

Артем уволился в запас в июле в звании младшего сержанта, и когда вернулся домой,— ощущение родного, теплого, уютного семейного гнезда, к которому тянуло все время службы, не оставляло его,— чувствовал себя поначалу как-то «не в своей тарелке» — отвык от свободы. «Ты куда так летишь?» — удивлялись родители, видя, что он все делает уж чересчур быстро и с озабоченным выражением лица. Да, ответственность и организованность... Армия усилила в нем эти качества. Потому он сильно переживал, когда мать, убираясь в его комнате, по-женски, как ей казалось правильным, перекладывала все на столе, на полках и в шкафу. Ведь служба — третий, а кому и второй родитель,— приучила: любая вещь должна лежать на своем месте, чтобы легко, когда понадобится, найти ее.

Так вышло, что друзья Артема, в общем-то, дружелюбного, общительного и умеющего верховодить сверстниками, были старше его по возрасту. Он уже в школьные годы был серьезным и рассудительным парнем, любил подвижные игры — но не в «дыр-дыр», а футбол и волейбол по-настоящему,— и стал завсегдатаем находящегося рядом с их домом школьного стадиона, с которым он буквально сросся, тянулся к нему в любую свободную минуту и заметно вытянулся в росте, благодаря его уличным тренажерам; там он и познакомился с заядлыми игроками — нынешними своими друзьями, охотно принявшими в свою среду умного и уважаемого паренька. Эта дружба осталась на всю жизнь. Потому для него, вернувшегося из армии, сразу нашлась и работа в автосервисе, и компания для отдыха, не в пример одногодкам с их пьяными гулянками и на все согласными девочками. А поскольку Артем не любил прохлаждаться, то и не тянул с началом работы. Ремонтировать машины ему нравилось, но себя он мыслил в ином качестве — мечтал «ремонтировать» людей — он и к машинам-то относился как к людям: поглаживал их, похлопывал как бы по плечу и мысленно разговаривал с ними,— и готовился через год поступать в медицинский институт. Как-то он проговорился об этом в мастерской, что вызвало насмешки и некоторое охлаждение к нему.

— Ты поменьше рассказывай о своих планах. Мало ли кто кем хотел или хо-

чет — да не может! — быть — говорил ему Виктор, друг, который и устроил его на работу.— Мне можно рассказывать все, вот и рассказывай *мне!*

Через пару месяцев Виктор пришел в мастерскую чернее тучи. На расспросы Артема вначале ничего не отвечал, только желваки ходили на скулах, резко выступающих на осунувшемся лице, да взгляд из-под полусомкнутых ресниц был какой-то затравленный. Но когда немного пришел в себя, глубоко вздохнув, произнес:

— Серегу привезли...

— Как привезли? Что значит, привезли?!

— В гробу привезли, в цинковом...

— Серегу?! Откуда?

— С Донбасса. Он там добровольцем воевал, пока ты служил.

...Со смертью товарища (друзьями они не были — невозможно дружить с абсолютно скрытным, постоянно пребывающим в себе человеком) Артем впервые столкнулся в армии. Но это было самоубийство — суицид, как официально выразались командиры. Было даже возбуждено уголовное дело — «доведение до суицида». Алексею до «дембеля» оставалось полгода. Тем не менее, он повесился... При этом дедовщины в части не было и в помине, и со стороны офицеров рукоприкладства и вымогательства, как пишут в СМИ, не наблюдалось. А вот происшествия были, и несколько подряд — буквально одно за одним: солдата задавили грузовой машиной, три человека погибли при взрыве танка на полигоне, взорвалась БМП... Психологически тяжело было всем — такое не на войне, а в мирное время! Однако у Алексея не выдержала психика, и...

Но здесь была другая смерть. Сергей, один из самых близких друзей, находился, как сказали Артему, в командировке и вскоре должен был приехать. Артем очень хотел встретиться с ним... А встретил в гробу, в оцинкованном запаянном гробу, который стоял в открытом деревянном. Во дворе валялись остатки большого, плотно сколоченного транспортировочного ящика. Вместо лица Артем увидел в изголовье, среди живых цветов, портрет Сергея в красивой рамке. Как выяснилось, он погиб на Донбассе в знаменитом бою за Саур-Могилу 26 августа 2014 года, почти через месяц после прихода Артема из армии...

Дверь была открыта настежь: входили родные, соседи, друзья и просто знакомые. Мать, седая женщина в простом пальто и шали, сидя у гроба, причитала, и при появлении всякого нового человека — видимо, душа ее сейчас не выдерживала вида живых людей,— начинала голосить. Рядом, держа ее под руку, беззвучно плакал старик-отец. Девочка лет десяти, племянница Сергея, удивленно и испуганно смотрела на бабушку и по-своему пыталась успокоить ее. Артем подошел, по-солдатски, мужественно, как мог, выразил соболезнование родителям и встал у гроба. «Прощай, Серега!» — плакала его душа по другу, но он крепился, и ни слезинки не было на лице его. Только, как в калейдоскопе, в сознании сменяли друг друга эпизоды их встреч, совместных дел, дружеских шуток, улыбочное, веселое лицо ставшего ему фактически старшим братом Сергея. И вдруг спазм перехватил дыхание: «Вот и повидались, друг, а сколько я сказать тебе хотел...». Слезы, скатившейся по щеке, он ни стесняться, ни вытирать не стал и, выйдя во двор, затаился взятой у кого-то сигаретой, хотя до того не курил.

Все украинские «события» начались, когда Артем еще служил. Солдаты, по армейскому распорядку, каждый вечер с 21.00 по 21.15 просматривали первую часть

программы «Время». Киевский майдан буквально приковал ребят к экранам, ставшим для них будто окнами в иной, чужой и кошмарный мир. Ведь после попытки, конечно, слабой, прекратить безобразия, все перешло в форму чуть ли не восстания. Только много позже Артем понял, что главное происходило не на площадях и улицах, а за всем этим, как за ширмой, совсем другие люди устроили госпереворот, далеко не в интересах скакавших на майдане. Однако эти скачущие, особенно их глумливые выкрики, типа «москаляку на гуляку», вызывавшие внешне у кого шутку, а то и смех, у кого ругань и аналогичные ксенофобские призывы, на Артема, с детства воспитанного в дружелюбии к людям любой национальности — а в его родне были и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, то есть весь малороссийский интернационал, — производили тягостное впечатление. Такое же настроение, в той или иной степени, испытывали, в общем-то, и все военнотружущие — солдаты и офицеры.

Но вот пришли весна и события в Крыму. Настроение ребят заметно изменилось. А когда объявили о воссоединении Крыма с Россией, ликование волнами разливалось и в душах людей, и в общении — даже самые скучные и серьезные улыбались. Конечно, и среди ребят находились те, кто кривил нос при информации с полуострова. Ну, не «пятая колонна», а только отдельные единицы ее все же были среди сослуживцев Артема... Но это общей радости отнюдь не испортило, и командование даже праздничный ужин с пирожными и лимонадом устроило.

Однако затем оптимизм и светлые ожидания, когда крымский сценарий вроде бы должен был повториться на Донбассе, на фоне бурной и необычной весны для Ленинградской области, где Артем служил на 18-м испытательном полигоне, — когда в апреле, как никогда, светило солнце и не было дождей, а в первой половине мая — сильный ветер да грозы с градом, — явно пошли на убыль. А дело было так. Ни референдумы, ни провозглашение суверенных республик жителями Донецкой и Луганской областей, ни желание их объединиться в Новороссию и вступить в состав России, чего, собственно, и ожидали все, не привели к признанию их с ее стороны, а уж тем более к вхождению в ее состав, несмотря на то, что в основной массе своей, как и крымчане, люди считали себя русскими и воспротивились насильственной украинизации, «великой украинской истории» и ее бандеровским «героям» и не подержали хунту, захватившую в Киеве власть.

Дальнейшие же события на Донбассе — на Артема особенно повлияли начала июля бои за Николаевку вплоть до отхода ополченцев из Славянска, — когда начался бесконечный «сериал»: бои, обстрелы украинскими военными гражданских объектов, гибель людей, искалеченные тела, сгоревшие дома, разрушенные школы и больницы, — ввергли ребят в настоящую депрессию, все в части ходило как в воду опущенные. Пришлось начальству даже меры принимать насчет дисциплины...

Но через некоторое время на Донбасс поехали добровольцы, в том числе уволившиеся контрактники из их части. А обратно — по письмам из дома — стали иногда приходиться «грузы-200». Вот и Артем встретил то, что осталось от Сергея...

Артем похоронил, потом помянул друга вначале в кругу его родных и знакомых, а затем отдельно, среди близких друзей. В свободное же от работы время его потянуло походить по памятным местам их дружбы — по той самой густой аллее, где с друзьями любили гулять в теплые летние вечера и где однажды они с Сергеем вступились за знакомую девчонку и вдвоем отколошматили троих хулиганов, пристававших к ней; у паромщика дяди Василия он одолжил на время ту самую старую лодку, все так же переваливавшуюся с бока на бок у берега и знакомо, словно ворча на сидков, скрипевшую уключинами, на которой они с Сережкой любили кататься по реке или, сидя в ней, удить рыбу. Много, много было таких мест, оживлявших в его душе воспоминания... Но не только ими жил в эти дни Артем.

В город приехала семья беженцев из Краматорска: мужчина лет сорока с женой и тремя детьми — от пяти до десяти лет. Тот говорил, что хотел остаться, воевать, но жена не пустила — куда, мол, она с детьми, а кто работать, кормить будет... И правда, отец семейства сразу же впрягся в работу на стройке, где он, как и на родине трудился, устроился главным механиком — отвечал за все машины, трактора, краны, пеканиски, за все механизмы и приспособления и сам, наряду со слесарями, ремонтировал их. Потому уходил из дома чуть свет и возвращался около девяти вечера, а то и позже.

Они поселились по соседству с Артемом, в его же старом доме, сняв недорогую однокомнатную квартиру — для такой-то семьи! — и как-то в воскресенье у детской площадки, где супруги сидели, наблюдая за ребятами, он и разговорился с ними. Понятно, по теме, которая его больше всего интересовала. Александр и Мария рассказали, как с детьми, в чем в тот момент были одеты, прятались от бомбежек в большом сыром и темном подвале их «сталинки», среди таких же, как они, растерянных и подавленных горем людей. Немудрено: у всех одна страшная, гложущая беда — война, и в глазах: «За что?!» и «Доколе?!», и неизбывный страх за детей... Ведь среди них были такие, у кого они погибли, порой на глазах у родителей.

— Говорить о том больно, а тем более пережить. Страшно, когда бомбы падают: стекла вылетают, дом ходит ходуном...— слезы катились по щекам Марии.— И мы ж боимся, прежде всего, за них, а то сами б ушли к ополченцам, кабы не они,— она показала на играющих детей и одновременно с тревогой и лаской взглянула на них. Александр сидел, молча, понурясь, и сильно сжимал большими пальцами сцепленные в замок кисти рук.— С нами ж приехала сюда моя подруга,— продолжала Мария.— Ой, Господи, как она выжила — не описать. У ней двоих вот таких, как наши, детей убило снарядом,— голос ее прервался, с трудом преодолев слезы, она продолжила: — Муж-то Ольги в ополченцах, и уж неделя как не было звонка от него, а мобильник недоступен. Мучается, кроме мужа у ней никого... И все мы так: жили, работали, а нынче не знаем, будет ли куда вернуться, может, у нас и дома уж нет. Если бы не Россия, что бы было, куда бы мы с дитями?

— Когда же эти гады порошковские увидят, что убивают простых, не повинных ни в чем людей!? — не выдержав, воскликнул Александр.— Это, Артем, в натуре, настоящий геноцид нас, русских!

— И горше всего, что и на той стороне много русских...— промолвила Мария.

— А вот брат звонил из «ихней» донецкой зоны, рассказывал, как зашли «укропы» в Славинск, а у них уж списки на руках, кто в ополчении. Поймали женщину и мужчину, сын которых воюет, привязали их к машине пехоты за ноги и тащили на скорости по площади, потом окровавленных бросили и уехали,— глухо, с тоской стал рассказывать Александр.— Зашли в дом, где отец был ополченцем, забрали пятилетнего дитя, вынесли его на ту же площадь и прибили гвоздями к рекламному стенду. Прибегла мать, и ее на глазах у всех расстреляли. Что делается, Артем? — Заходят с собаками в жилье, мужиков до тридцати пяти без разбора убивают! Получается, бомбежка погуманнее будет, чем то, что они творят...

— Так что же ты тут сидишь?! — не выдержав, забыв на миг все объяснения соседей, возмущился Артем и вскочил.

— Да я бы с радостью взял автомат...— тихо промолвил тот, и видно было, что давно и сильно страдает.— Но куда ей,— он кивнул на жену,— хворая и слабая она больно, особенно после третьего дитя, не потянет так работать, чтобы прокормить семью...

— Извини, брат,— сказал Артем и, сочувственно поглядев на них, попрощался и ушел.

Но теперь он не пропускал ни одного репортажа о событиях на Донбассе. Артем вглядывался в лица людей, ополченцев, словно пытаясь разглядеть знакомых или сослуживцев по армии. А передачи сопровождалась страшными кадрами: искалеченные трупы стариков, женщин и детей, кровь, кровь и кровь...

По интернету он нашел репортажи и о событиях 2 мая в Одессе, когда звериная толпа националистов и соотносящих себя с ними загнала сотню людей в здание Дома Профсоюзов и, предварительно всюю поиздевавшись над ними, сожгла заживо за то, что они посмели объявить себя русскими и отстаивать свои, русские, права. Ужас объял Артема, смотревшего эти кадры. В этом горящем здании он увидел образ горящей России, то есть то, во что хотели превратить ее эти безумные «плясуны». И он понял, что именно эта безнаказанная бойня и послужила стимулом вот «таким» для подавления, вплоть до физической зачистки их руками, любых прорусских выступлений местных жителей. Потому велика была его радость, когда наступления «укропов» на донбасском фронте захлебывались. «Побольше бы таких «иловайских котлов», какой устроили им наши ребята с 10 августа по 3 сентября!» — думал он.

Артем знал себя, знал, что долго он так пассивно смотреть на все это не сможет. И вот однажды он почувствовал в душе сильное желание быть там, где такие же, как погибший Сергей, защищают право русских быть самими собой, говорить на родном языке, любить, заводить семьи и рожать детей,— в общем, жить и радоваться жизни. Вначале это желание, подобно маленькому ростку, только-только показалось на поверхности его чувств, но с каждым днем все более и более крепло, пока не стало настолько непреодолимым, что он уже не мог ни дня, ни часа жить спокойно. Где-то в уголке сознания появлялась мысль о матери: «Как она, ведь одна останется? — Но он убеждал себя: — Попрошу ребят, чтобы присмотрели и, если что, помогли». И в первых числах октября Артем решил пойти к знакомому Сергею, который, как он знал, помогал тому отправиться на Донбасс.

Знакомого звали Кирилл. Он принял Артема доброжелательно, но все же перво-наперво спросил:

— Ты серьезно решил?

— А что, я похож на несерьезного? — поначалу даже обиделся Артем.

— Ну, не обижайся, всяко бывает...— сказал Кирилл, и было ясно, что он уже имел опыт взаимодействия с теми, кто чисто эмоционально решил ехать и воевать.

Кирилл угостил гостя чаем и за питьем начал свой рассказ.

Переправляться на Донбасс, понял Артем, придется через Ростов-на-Дону. Но предварительно нужно написать по электронному адресу, чтобы получить контакты координатора, с которым нужно будет там связаться — не будет же он бегать по городу и спрашивать: «Где здесь отправляют на Донбасс?». Как группа соберется, так и поедут на ростовском автотранспорте, и далее — на разные участки фронта, куда требуются бойцы. Главное требование: возраст чтоб был не меньше двадцати одного года (при этом Кирилл пылливо посмотрел на Артема, и тот утвердительно кивнул, ему недавно исполнилось требуемое число лет, он в армию пошел двадцатилетним). И обязательно — отсутствие серьезных болезней и всего, не дающего право на выезд за границу, то бишь судимости, условного срока, нахождения в розыске, штрафов и долгов по кредитам или алиментам, и, наоборот, чтоб наличествовала хорошая физическая форма, выносливость и владение стрелковым оружием. Опять же, срок служения, именно *служения*, сказал Кирилл,— не менее трех месяцев, а лучше больше. Потом он подробно объяснил Артему, какие документы обязательно иметь при себе и что из обмундирования, защитных средств, медикаментов и бытовых принадлежностей с собой брать, так как ополчение испытывает в том нужду. Ну и до Ростова

добираться нужно самостоятельно, остерегаясь мошенников, всю обещающих за определенную плату переброску и обустройство на месте. И еще: получить деньги с «большой земли» будет весьма проблематично, потому должен быть при себе запас дензнаков: рублей, гривен и долларов.

— И запомни: нет гарантии,— продолжал Кирилл,— что нынешнее руководство республик или одной из них не продано олигархам, что тот или иной полевой командир не посылает бойцов на задание, спущенное сверху от предателей и врагов народа. Поэтому сегодня в ополчении требуются те, кто умеет критически смотреть на происходящее и думать своей головой... Поэтому, если ты согласен со всем, что я сказал, то можем начать.

— Да, согласен, начнем! — ответил Артем. И Кирилл, включив компьютер, набрал в интернете адрес координатора в Ростове.

Артем добрался до Москвы, на Курском вокзале взял билет до Ростова и, переночевав в зале ожидания, в 7 утра был уже в поезде «Санкт-Петербург — Анапа». В плацкартном купе, кроме него, ехали еще муж с женой, где-то сорока лет, и парень, примерно одного возраста с Артемом. Все они ехали из северной столицы — супруги на отдых «дикарями», а парень — его звали Степан — ответил как-то уклончиво.

За окном моросил нудный осенний дождь, которому, наверное, и самому уже надоело моросить, а непроницаемо серое небо только усиливало тоску. Супруги, позавтракав, спешно убрали со стола, предлагая парням место для еды. Артем перекусил на вокзале, потому вежливо отказался, а Степан с удовольствием уселся на освободившееся место у окна, развернул свой сверток, достал из него хлеб, кусок сала с желтыми кружлячками и соленые огурцы и стал аппетитно нарезать это все на матерчатой салфетке. В купе сразу запахло чесноком.

— Сало по-белорусски? — спросил Артем,— у них в городе такое продавалось на рынке, и он несколько раз покупал.

— Нет, украинское! — почему-то с некоторым задором ответил Степан и предложил, обращаясь ко всем соседям по купе: — Угощайтесь!

Все отказались по причине сытости, и Степан, отвернувшись к окну, стал быстро есть.

— А вы с Украины? — спросила женщина.— У меня сестра в Луганской области живет...

— Да, я из Украины,— жуя, ответил парень, делая ударение на предлоге.

— А откуда, если не секрет? — спросил муж женщины.

— Из Тернопольской области...

— А-а...

— В России на заработках? — в свою очередь спросил Артем.

— Был. Родители позвонили, что повестка пришла.

— Ну, и проигнорировал бы! Что, охота воевать?

— Охота! — ответил Степан, зло свернув глазами как-то поверх голов собеседников.

В купе наступила тишина. Парень закончил завтрак и, свернув остатки еды в пакет, сел на свое прежнее место у прохода.

Мужчина, которого звали Николаем, долгим и внимательным взглядом посмотрел вначале на жену Светлану, затем на Артема, но ничего не сказал. Артем же тоже понял, кто перед ним, но решил возразить.

— Значит, воевать хочешь? С кем же и за что?

— Как с кем? — С оккупантами, кто отжал наши земли и хочет отжать еще! — дернулся парень и уставился на Артема, сидевшего напротив.

— Ты сам-то не воевал еще?

— Нет.

— Значит, хочешь убивать... А знаешь, сколько ваши поубивали уже на Донбассе? Может, ты видел фотографии или тебе рассказывали?

— Это все пропаганда! Это ваши «гиви» и «моторолы» пришли и превратили восток моей страны в бойню! — Степан был явно не в себе, зрачки глаз его были сужены, плотно сжатые губы сильно побелели, а глаза — ну разве что не испускали молний.

— Ты ври, да не завирайся. Когда вы, прыгая на майдане, начали кричать свои: «москаляку на гиялку» и крушить все, хоть чем-то напоминавшее вам Россию, тогда еще никакой войны на Донбассе даже близко не было. И его в Сомали превратили вы сами! — твердо сказал Артем.

Степан задергался и так плотно сжал кулаки, что костяшки пальцев сильно побелели.

— Ты представь,— спокойно продолжал Артем,— что в твой родной Тернополь приехали вооруженные люди, под страхом расправы запретили тебе говорить на своем языке, запретили голосовать за тех, за кого ты хочешь, и стали во всем устанавливать свой порядок... Тебе это понравилось бы?

— Ты мне своей «ватой» рот не забивай! — парень вскочил и уже хотел было кинуться на оппонента, но тут Николай поднялся со своего места и своим грузным телом мягко встал между ними.

Степан с разбегу уперся в его широкую грудь, отодвинулся и, ожидая, видимо, что мужчина пройдет, продолжал стоять в боевой стойке. Но Николай никуда не шел, и тот, подержавшись, сел.

— Пойдем, выйдем,— обратился Николай к Артему.

Они вышли в тамбур. Дождя за окном поезда уже не было, выглянуло солнце и стало глядеться в капли влаги на стекле, играя в них всеми оттенками радуги.

— Не связывайся с ним, парень, ты же видишь, что он — «фонарь», да к тому же еще и неадекватен.

— Николай, но ведь слушать этот бред невозможно! Хорошо бы он это у себя на родине нес, а то здесь, у нас говорит и не смущается даже. Я бы посмотрел, что они сделают с нашим, горящим там, у них, за Россию.

— А я в их «сало в шоколаде» вообще не заглядываю, своя психика дороже... Зато много общался с западными украинцами — их у нас много на стройках работает,— вот возле моего дома общага, где строители живут. Так они говорят, что, в отличие от части населения — таких, как этот Степан,— большинство хорошо или просто спокойно относятся к русским и к России. А в СМИ, конечно, только тупая хохлопропаганда, и больше ничего. Удивительно, но ее, во всей красе, допускают на наших телеканалах. Я же на эти телешоу и на их свидомитский бред тратить время не хочу.

— Я уже жалею, что связался с ним — пораженным «укропом головы». Пусть думает и говорит, что хочет.

— А ты куда, Артем, едешь?

— На Донбасс.

— В ополчение?

— Ну да!

— Будь с разговорами поосторожнее, тем более в Ростове — там у них рук много. Они ведь знают, что оттуда в основном переправляются ополченцы. Могут все что угодно с тобой сделать.

— Я понял, Николай.

— Вот и хорошо! А таким, как этот Степан, хоть кол на голове теши — свои «ще не вмерла» и «слава Украине» орать будут. Таким помочь может только доктор или сама жизнь. Может, попадет в ситуацию, когда мозги на место встанут...

— Это было бы полезно, и не только ему!

Вернувшись в купе, Артем достал из рюкзака книгу и погрузился в чтение. Так с перерывом на еду прошла оставшаяся часть дня. Ночь набегавшийся по предпоездковым хлопотам парень проспал на своей второй полке как убитый. Разбудил его голос проводника, объявившего о скором прибытии в Ростов.

С администратором группы, занимающейся доставкой добровольцев и грузов в Донбасс, Артем связался еще будучи дома, по Интернету. А прибыв в Ростов, он по телефону взял у него контакт координатора, непосредственно осуществляющего переправку. Тот сообщил, ехать можно уже на следующий день. Чтобы не тратиться, Артем решил переночевать на вокзале, из которого он, собственно, и не выходил.

Утром он проснулся раньше мобильника — звонил координатор, сказал, что необходимо скорее прибыть к парковке гипермаркета «Мега» на Аксайском проспекте. И Артем, пользуясь лучшим путеводителем — языком, быстро добрался до места сбора. Там уже стояли человек пятнадцать парней и мужчин в камуфляжной форме и с рюкзаками. Через несколько минут они погрузились в два автомобиля и, сопровождаемые ополченцем, отправились в сторону границы.

В машине Артема ехал один новгородец, капитан-пехотинец, брат которого 2-го мая сгорел заживо в Одессе в Доме Профсоюзов. А еще один парень, такой же, как и Артем, демобилизованный, отслуживший в ВМФ, рассказал, что на его решение сильно повлиял увиденный по ТВ видеоматериал о том, как в Мариуполе с ветеранов Великой Отечественной сдирали ордена и медали, обещая следующий раз содрать вместе с кожей...

У границы они увидели лагерь беженцев и идущих к нему по дороге людей. Это были уже прошедшие пункт пропуска. А на луганской стороне стояла большая очередь и колонна автомобилей почти на километр. Артем, увидев, что там были не только женщины и дети, но и много мужчин, был поражен. Он подумал: «А ведь вот они, дезертиры! Крепкие мужики, и сваливают. Тьфу!» — сплонул он в приоткрытое окно. Но тут же вспомнил семью из Краматорска, что жила недалеко от его дома, и сдержал готовые вырваться наружу слова. «Видно, ситуация у всех разная...» — решил он.

Пересекли границу возле российского Донецка и поселка Изварино Луганской республики. Проблем никаких не возникло: беглый досмотр, проверка личных вещей, документов — на все ушло не более часа.

Упускного пункта на территории ЛНР они получили оружие, но пока временно — для безопасности в пути: автоматы Калашникова, пистолеты, гранаты и бронежилеты. Однако у рядовых ополченцев есть явные проблемы с оружием и снаряжением, рассказывал сопровождающий. Применяются даже самозарядные карабины Симонова (СКС) 1949 года и уж давно, казалось бы, забытые автоматы ППШ. А с техникой еще хуже. И это при том, что украинские части на Донбассе по численности в четыре раза превосходят ополчение. Идет, конечно, и техника, и оружие, но нужно бы гораздо больше.

Группу предупредили: двигаться будем без остановок, при обстреле — выпрыгивать и — в заросли: уж какие попадутся, и они поехали дальше. Путь лежал от Краснодона, через Шахтерск и до Донецка по разбитой дороге, поэтому ехали достаточно медленно. По пути они увидели несколько женщин в форме и с автоматами, и Артем все же с неприязнью подумал о мужчинах в толпе беженцев. Сопровождающий сказал — ввиду действия диверсионных отрядов — по Донецку ходить не менее чем по трое.

На зданиях и даже частных домах висели флаги Новороссии, ДНР и ЛНР, России и даже СССР. Часто попадалась уничтоженная техника, разрушенные здания... Шахтерск, на окраинах которого еще шли бои, выглядел как Сталинград в 1942-м году.

В Донецке, остановившись на одной из баз ополченцев, передали коменданту свои данные для внесения в компьютерную базу. Там же, по согласованию со Стрелковым, началось распределение добровольцев по отрядам. Как потом Артем узнал из разговоров, у каждого подразделения есть своя специфика, определенная самостоятельность и привязка к территории.

Отряд, куда попал Артем 20-го октября, после обороны от атак ВСУ со стороны Песков, хорошо проявил себя в длительной осаде Донецкого аэропорта. Когда она началась, он только собирался пойти к Кириллу, чтобы узнать, как попасть в добровольцы. С погодой ему, не привыкшему жить долгое время в продуваемых всеми ветрами помещениях и на природе, повезло. Стояла осенняя, но не такая, как в средней полосе России, более теплая погода. Однако ночью спасались спальными мешками.

Артем вспоминал на добром слове знакомого с его советом купить ботинки и хорошие носки, а то бы измучился и ноги покалечил в сапогах — портянки он мотать не умел. В отряде был деревенский парнишка, которого отец научил хорошо мотать их. Быть может, если бы он умел, то попробовал и сапоги, но от добра добра не ищут, поэтому с ногами у него все было в порядке. С питанием тоже было нормально для войны — голод не испытывали, несмотря на то, что приходилось пару раз и одними галетами обойтись, после боевых действий можно было и подкупить кое-что. Кухня в отряде работала — был повар с двумя помощниками, на «базе» был водопровод. Сюда же, на терминал — на «боевую» — воду взяли с собой в бидонах, а пищу готовили на перевозной печке (в «поле» же и на костре можно). Только плохо, что на базе не было горячей воды, и мыться было не в удовольствие. А уже была поздняя осень, и зима кагила в глаза. Пользовались влажными салфетками, одежду же им стирали местные, за отдельную плату, конечно. А вот с медицинской службой дело было так. Среди ополченцев оказался фельдшер — именно оказался, так как специальной единицы такой не было. Да еще пару санитаров из своей среды выдвинули, как говорится, без отрыва от основной службы, фельдшер их обучил оказанию первой медпомощи и использованию лекарств, которых было достаточно. Индивидуальные пакеты и аптечки — это святое, они были у всех.

(Продолжение следует)